

Аня Белоус

Место проживания: Новошахтинск, Ростовская область

Возраст: 3 года

Диагноз: врожденный порок сердца

Необходимо: 39 000 евро на операцию Фонтена в немецком кардиоцентре

Спасти рядовую Аню

Её даже на взгляд не отличишь от остальных детей, других двухлетних крох, так же замирающих при звуках «Спокойной ночи, малыши!», зовущих по ночам маму. Разве что ногти синего цвета... А если побегать, несмотря на то что мама будет хватать за руки и причитать: «Анечка, тебе же нельзя!» – то посинеют и пальцы, и нос. И по вечерам болят ножки: Аня ложится, и мама гладит, гладит их – хотя это не поможет.

Что вы хотите: у Ани всего один желудочек сердца вместо двух. Ей нелегко: одышка, пот, усталость, красные щёки, дыхание – как у паровоза... «Она жалуется?» – спрашиваю я маму Олю. «Нет, она ведь не знает, как это – быть здоровой». Вдох-выдох. Выдох-вдох. Разбежаться и не слышать, как колотится собственное сердце. Валяться на солнце и не обливаться потом. Прыгать высоко-высоко – и не думать, что вот-вот умрёшь... Хотя нет, конечно, Аня в свои 2 и 7 ещё не знает, что такое смерть. Не знает, что такое сатурация (насыщение крови кислородом. – Ред.), операции Мюллера, Гленна и Фонтена (единственное, что пока придумано на свете для таких детей). И я всего этого не знала – до разговора с Олей Белоус, которая, разбуди её ночью, чётко ответит на эти страшные вопросы.

– Глаза больного ребёнка – особенно когда везут после операции в реанимацию – вот что невозможно забыть: они совсем как у взрослого человека, всепонимающие... И мне невозможно смотреть в эти глаза, мне стыдно, что я, взрослый человек, не смогла заработать достаточно денег, чтобы Аню спасти. Нас с мужем съедает обида на самих себя... Ещё злость на то, что я, дипломированная медсестра, не заметила, что с Аней что-то не так, с самого начала, когда она ещё недельной крошкой начала часто-часто дышать. А я всё приглядывалась, отгоняла от себя страшные мысли, оттягивала поход к врачам... Почему я не схватила её в охапку и не рванула в Ростов? Ведь тогда бы нам не поставили диагноз в 2 месяца и не сделали операцию Мюллера в 4 – сделали бы её раньше, а это дополнительные шансы на жизнь...

Самый старый «Фонтен»

Оля сыплет медицинскими терминами, объясняет мне что-то про круги кровообращения, которые в Анином теле работают не так, как у всех. Про операцию Мюллера, во время которой на лёгочную артерию накладывают специальную манжету, чтобы её сузить. Про то, что после Мюллера важно вовремя сделать операцию Гленна, которую провели высококласные врачи Томского кардиоцентра. Про то, что между операциями Ане никак нельзя было болеть: «Простудится – пневмония – без шансов». Но она заболела и чудом выжила. Потом Оля плачет и рассказывает про операцию Фонтена, при которой хирургическим путём с помощью переключения магистральных сосудов изменяется система кровообращения человека таким образом, что вместо двух кругов кровообращения остаётся один. Потом снова себя корит:

– Чувствую себя предательницей по отношению к томским врачам: они очень хорошие, дела-

ют всё, что могут, но, к сожалению, наше оборудование, наша система выхаживания – всё это хромает. А я не хочу жить с мыслью, что сделала не всё, чтобы мой ребёнок жил как можно дольше. Не хочу думать о том, что в России нет ни одного взрослого «Фонтена» – ребёнка, который был бы оперирован в нашей стране и дожил до хотя бы 20-летнего возраста... Я хочу думать о том, что самый старший «Фонтен» умер в Англии в возрасте 54 лет: у него были дети, работа программиста, он был волонтером в больнице и прожил счастливую жизнь. А в Америке «Фонтены» рождают. Хочу думать о том, что у моей Ани тоже есть шанс. Страшно только представить, какой ценой...

Я – медсестра, работаю по выходным на 0,75 ставки в госпитале для ветеранов, муж ездит из Новошахтинского в Ростов, работает программистом и получает 30 000 руб., 10 из которых уходит на дорогу... На операцию Фонтена в немецком кардиоцентре, откуда нам пришёл вызов, нужно 39 000 евро. Мой старший сын, четвероклассник, так говорит про это: «Я сам каждый вечер молюсь – и Владика заставляю». Владик – первоклассник; старшие сыновья молятся о 39 тысячах евро – сумме, которую я, услышав, очень долго даже не могла перевести в рубли... Наш папа просто плачет, когда думает, что я не вижу. А Аня тяжело дышит. Вдох-выдох. Выдох-вдох. Я считаю раз за разом – чтобы не стал последним.

«АиФ. Доброе сердце» начинает сбор 39 000 евро на операцию для Ани Белоус, 2,7 лет, из Новошахтинского, врождённый порок сердца.

Постоянный адрес статьи и информация о помощи: <http://www.aif.ru/dobroe/article/63555>